

ОЧЕВИДЦЫ СВЕРХЪЕСТЕСТВЕННОГО

ЧАРЛЬЗ ЛИНДЛИ

КНИГА
ПРИВИДЕННЫЙ
ПОРДА
ГАЛИФРАКСА,

ЗАПИСАННАЯ СО СЛОВ ОЧЕВИДЦЕВ

Очевидцы сверхъестественного

Чарльз Линдли

**Книга привидений лорда
Галифакса, записанная
со слов очевидцев**

«Алгоритм»

2015

УДК 82-311.2
ББК 83.3

Линдли Ч.

Книга привидений лорда Галифакса, записанная со слов очевидцев / Ч. Линдли — «Алгоритм», 2015 — (Очевидцы сверхъестественного)

ISBN 978-5-906798-66-4

Чарльз Линдли Вуд, лорд Галифакс, виднейший деятель Англиканской церкви, всю жизнь собирал свидетельства о существовании призраков и привидений, записывая наиболее интересные из них в домашний альбом, который между собой члены его семьи называли «Книгой привидений». Лорды и леди, эсквайры и добродетельные дворецкие, преподобные отцы и лихие летчики королевских ВВС — все они, зная об увлечении лорда Галифакса, повествовали о привидениях лично или присылали ему свои рассказы. Иной раз рядом с подписью очевидца появлялись подписи свидетелей. А в одном из рассказов подпись свидетеля особенно лаконична и впечатляюща — «Король». Да, августейший джентльмен также не избежал встреч со своими призрачными соотечественниками. Еще до своего выхода в свет «Книга привидений» приобрела поистине легендарную славу, а с тех пор, как в 1936 году, уже после смерти своего создателя, была опубликована его сыном, пользуется неизменным успехом у читателей.

УДК 82-311.2
ББК 83.3

ISBN 978-5-906798-66-4

© Линдли Ч., 2015

© Алгоритм, 2015

Содержание

Предисловие	7
Арфист из Инверари	8
Человек в железной клетке	11
Тайна замка Гламис	16
Серый человек из Ротхэма	20
Привидение из Хинтон-Эмпнера	23
Смерть лорда Тирона	30
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Чарльз Линдли
Книга приведений лорда Галифакса,
записанная со слов очевидцев

Charles Lindley
Lord Halifax's Complete Ghost Book

© ООО «ТД Алгоритм», 2015

* * *

Предисловие

С раннего детства «Книга привидений» моего отца была одним из самых ярких воспоминаний, связанных с Хиклтоном. Он относился к ней со всей серьезностью, делая собственноручные заметки и вынося ее по торжественным случаям, например, в Рождество, чтобы почтить нам вслух перед сном особенно любимые истории. Много раз после подобных вечеров мы, дети, спешили наверх, чувствуя, что коридор между библиотекой и нашими детскими, тускло освещенный масляными лампами и полный теней, таит множество опасностей, там было страшно оставаться одному и не стоило задерживаться.

Такое щекотание детских нервов даже в те дни одобрялось далеко не всеми; и я хорошо помню, как мать возражала, хотя, думаю, неизменно безуспешно, против того, чтобы «так пугать детей». Мой отец, однако, оправдывал подобный метод, считая, что он развивает воображение, и сами жертвы, увлеченные и завороченные чувством восхитительного ужаса, никогда не упускали случая попросить почитать еще.

Я часто думал о том, чем на самом деле так притягивали моего отца всякие страшные истории, которым отводилось далеко не последнее место в нашем детстве. Они пробуждали в нем врожденный интерес ко всему таинственному и романтическому, имевшему для него основное значение при оценке людей и вещей. Кроме неприглядных моральных качеств, лишь немного казалось ему в человеке столь же отталкивающим, как отсутствие воображения, и каждодневная жизнь имела для него ценность лишь тогда, когда соотносилась с чем-то более глубоким, чем-то таким, что мы скорее чувствуем, нежели понимаем, воспринимаем неким более тонким инструментом, нежели разум.

И я не сомневаюсь, что на самом деле секрет привлекательности таинственных или так называемых страшных историй и происшествий заключался для него в том, что они давали возможность приподнять завесу над скрытыми от нас реалиями невидимого мира. Рассказ, который он сочинил сам и назвал «Призрак, явившийся полковнику П.», начинается следующими словами: «Где находятся умершие, те, кого мы любили и кто любил нас; и те, кому мы, возможно, причинили какое-либо непоправимое зло? Покинули они нас навсегда или порой возвращаются? А может быть, они все еще среди смертных, ведут то неопределенное, таинственное и ужасное существование, которое в древние времена связывалось с миром духов? <...> Мы не в силах объяснить связь между этим миром и тем, который нельзя ни увидеть, ни ощутить, но не в силах мы также и допустить, что преграда между ними непроницаема».

Здесь есть и романтика, и приключения, и таинственность, и потому эти истории достойны быть представленными широкой публике. Надеюсь, они помогут раскрыть еще одну сторону личности их собирателя и вызовут в читателях хотя бы долю того интереса, который представляли для него.

Эдвард Фредерик Линдли

Арфист из Инверари

Мистер Г. У. Хилл, который поделился этим случаем, был старинным другом лорда Галифакса и много лет служил секретарем Сообщества англиканских церквей¹, возглавлявшегося лордом Галифаксом. Он несколько раз посещал Инверари-Касл, имение герцогов Аргайлов.

I

Лорд Арчибальд Кэмбел умер накануне Пасхи в 1913 году. На глаза мне попало сообщение, что он был очень болен и перебрался из Кума в Инверари. Его сын, мистер Найл Кэмбел, получив сообщение об удручающем состоянии здоровья отца, приехал из Франции, куда он отправился на праздники. Узнав от своего друга, что до отъезда в Инверари лорд Арчибальд выражал сомнение в том, что вернется, и делал некоторые распоряжения на случай своей смерти, я написал мистеру Найлу Кэмбелу, который любезно послал мне письмо с описанием всех приготовлений к похоронам и попросил встретиться с ним в «Клубе холостяков» в один из вечеров после его приезда, чтобы поделиться новостями.

Я отобедал с мистером Кэмбелом, ставшим теперь герцогом Аргайлом, в его клубе 28 мая 1914 года и сообщил ему то, что слышал о его отце. Он сказал, что благодарен мне за эти сведения, так как они проясняют кое-какие загадочные обстоятельства. Тогда я упомянул истории, прочитанные мною в шотландских газетах. В одной из них рассказывалось о воронах, прилетевших из лесных долин и круживших над Инверари, пока его отец отходил. Говорилось, что так происходит всегда, когда умирает глава клана или кто-либо из его ближайшего окружения.

Мистер Кэмбел сказал, что вполне этому верит, хотя и не обратил внимания на птиц. Однако потом он сообщил, что на Лох-Файн видели лодку. В ответ на мои расспросы он пояснил, что, когда умирает глава клана или его близкий родственник, появляется небольшая лодка с тремя седоками на борту; считается, что один из них – святой Колумбан. Когда умирал отец мистера Кэмбела, лодка тихо проплыла по озеру и причалила к берегу. Затем прошла по суше и исчезла в том самом месте, где предки Кэмбелов построили церковь в честь святого Колумбана. Перед смертью отца эту лодку видело множество народа, и в том числе один «чужак», который не принадлежал к роду Кэмбелов, к тому же был не шотландцем, а саксом. Когда лодка проплыла по суше, этот человек воскликнул: «Смотрите, какой забавный дирижабль!».

II

В августе 1914 года я гостил в Инверари, приехал я туда 18-го числа после ланча. В тот вечер в библиотеке, где был подан чай, собрались сам герцог, его сестра (леди Элспет), епископ Аргайла и островов Шотландии, камерарий со своей женой, мистер Сэмюэл Герни и я. Мы пили чай, сидя вокруг большого стола, когда я услышал ужасный шум падающих книг. Казалось, что на пол открытой галереи, огибавшей библиотеку, полетели тома с целой полки. Я поднял глаза, но ничего не сказал. Никто не проронил ни слова, однако я заметил, что герцог

¹ Содружество англиканских церквей во всемирном масштабе. Начиная с 1867 года каждые десять лет эта взаимосвязь подтверждается на Ламбетских конференциях англиканских епископов. Встречи происходят в Ламбетском дворце – лондонской резиденции архиепископа Кентерберийского, который по должности является их председателем. Конференция не принимает решений, обязательных для всех церквей, но предоставляет возможность для консультаций и дискуссий. Ее отчеты и резолюции пользуются большим авторитетом.

и его сестра обменялись взглядами и затем посмотрели на меня. Сложилось впечатление, что никто другой ничего не слышал.

После чая герцог переговорил со своей сестрой, и они пригласили меня в отдельную комнату. Он сказал: «Вы слышали шум за чаем. Сестра и я заметили, что вы единственный из присутствующих, кто слышал».

Затем он поведал мне, что в этой части дома водятся привидения и что шум раздается здесь уже многие годы. Однажды воскресным вечером, когда герцог работал в библиотеке, грохот не стихал около часа. «Сестра все вам расскажет», – закончил он.

На другой день во время прогулки леди Элспет рассказала мне следующую историю. Она любезно сообщила, что они с братом считают меня одним из «избранных», потому что кроме них я единственный человек, который слышал шум. Она ожидала, что услышит грохот, так как, входя в библиотеку перед чаем, увидела «старика». Это был призрак арфиста, повешенного в Инверари людьми Монтроза², преследовавшими маркиза Аргайла. Арфист всегда появляется в тартане³ Кэмбелов и совершенно безобиден. Она обычно и видит и слышит его, в то время как графу доступны только звуки.

Эта история поразила меня, потому что замок был сравнительно новым, его построили в 1750 году, причем в стороне от старого здания. Вероятно, бедный старик появляется на том самом месте, где росло дерево, на котором его повесили.

Леди Элспет также сообщила, что перед чаем ясно видела «маленького старичка» в галерее. Что касается остальных, она была весьма невысокого мнения о шотландских священниках и норфолкских коротышках⁴. Куда удивительней, по ее мнению, что ничего не заметили камерарий и его жена, в то время как я, природный сакс, слышал звуки. Я высказал предположение, что визит епископа – это хорошая возможность упокоить душу «маленького человечка», но она и слышать об этом не хотела. По ее словам, призрак был друг и в какой-то мере страж; он казался вполне счастливым и никому еще не причинил вреда.

С тех пор я часто слышал арфиста. В 1918 году, едва оправившись от тяжелой болезни, во время которой находился на грани жизни и смерти, я вновь отправился в Инверари. Меня поселили в комнате с примыкавшей башенкой, расположенной над Зеленой библиотекой. Во все две недели проживания меня не оставляло чувство, что в комнате и башенке, которую я использовал в качестве гостиной, кто-то незримо присутствует.

Я ни с кем не делился своими ощущениями, кроме тетушки герцога, ныне покойной миссис Кэллендер, которая спросила, где моя спальня. Когда я сказал ей, она ответила: «Я знаю, я видела!» И затем приложила палец к губам.

Уже собираясь уезжать из Инверари, я поинтересовался у леди Элспет, почему она поселила меня именно в этой комнате, на что она ответила: «Для вашего же блага. Моя тетушка леди Мэри Глин, которая перенесла недавно тяжелую болезнь, наверное, умерла бы, если бы не заняла ту самую комнату».

Другие люди тоже видели арфиста. Леди Джордж Кэмбел видела его в Голубом зале, находящемся в той же части замка, что и комната, где жил я. А одна из ее дочерей видела его на лестнице. Ночью часто доносятся звуки арфы. Прошлой осенью в замке гостила миссис Йен Кэмбел, у нее с собой была арфа. Она занимала ту самую комнату, а арфу держала в башенке. Ночью она слышала, как кто-то играет на инструменте, и это, конечно же, был «маленький человечек». То же повторилось и в последний визит леди.

² Джеймс Грэм, маркиз *Монтроз* (1612–1650). Во время Гражданской войны командовал королевскими войсками в Шотландии. В 1644 году одержал победу при Типпермуре, а затем, 6 февраля 1645-го, – над маркизом Аргайлом.

³ *Тартан* – шотландская ткань с определенным клетчатым рисунком, традиционным для каждого клана.

⁴ Мистер Сэмюэл Герни был из Норфолка.

III

Вновь я посетил Инверари в конце октября 1922 года. Герцогу нездоровилось, и он рано ушел к себе, решив, что не сможет на следующий день присутствовать на похоронах маркиза Бриделбейна.

В тот вечер леди Элспет и мистер Йен Кэмбел, молодой человек лет девятнадцати, внук лорда Уолтера Кэмбела и второй наследник герцога, сидели в Зеленой библиотеке, к которой примыкает круглая комната башни. Внезапно они услышали грохот падающих книг, и через несколько минут дверь из библиотеки в башню распахнулась. Ничего видно не было, но кто-то вошел и неторопливо шаркал по комнате. Леди Элспет и мистер Йен Кэмбел побежали наверх сообщить герцогу, который сказал, что это, должно быть, «старик», пришедший, скорее всего, по случаю похорон лорда Бриделбейна. Нет ничего необычного в явлении призраков, когда умирает знатный член клана.

Вскоре герцог написал мне, чтобы рассказать о дальнейших событиях; в тот же день я получил письмо от леди Элспет, которая сообщала, что «маленький арфист был очень деятелен» во время похорон. Вероятно, таким образом он выражал недовольство по поводу отсутствия главы клана на погребении своего вассала.

Человек в железной клетке

Эта история очень нравилась лорду Галифаксу. Ее предваряла следующая заметка: «Я подтверждаю, что это точная копия рассказа, записанного мистером Пеннименом, о привидении, обитавшем в гостинице в Лилле. О. Баррингтон».

Вы выразили желание узнать, как можно верить истории, искаженная версия которой появилась недавно, после тридцати- или сорокалетней паузы, как «подлинный рассказ о привидениях». Поэтому я изложу события, о которых около года назад напомнила мне моя старинная приятельница, дочь покойного сэра У. А. Курта. Она прислала мне альбом, в котором был записан этот рассказ, прося прочитать его и дать мне знать, есть ли в нем, по моему мнению, хоть доля истины. Она дружила с моей матерью и всей нашей семьей, и так как ни разу не слышала никаких упоминаний об этой истории, то и не могла поверить, что это правда. Я прочла рассказ с превеликим удивлением. Совершенно ясно, что он не мог быть написан ни одним членом нашей семьи, жившим в то время, или же близким человеком. В нем содержалось множество ошибок, например, в именах; тем не менее, отдельные части были так близки к истине, что я пришла в искреннее недоумение. С тех пор миновало столько лет, и так много всего случилось, что тот случай почти стерся из моей памяти, поэтому мне было непросто припомнить подробности. Однако в конце концов мне удалось это сделать, и теперь я готова удовлетворить ваш интерес.

Отец, мать, я, мои сестры и один из братьев (другой, Гарри, еще учился тогда в Вестминстере) уехали за границу поздней осенью 1785 или 1786 года. Мы, дети, должны были изучать французский. Посетив два или три города, наши родители решили обосноваться в Лилле. Там можно было получить неплохое образование, к тому же в тех местах у нас были хорошие знакомства.

Наше временное жилье оказалось чрезвычайно неудобным, и отец вскоре стал присматривать дом. Он нашел большой и красивый особняк, который всем нам пришелся по душе. Назначенная плата казалась необыкновенно низкой даже для тех мест. Разумеется, мы согласились и вскоре переехали.

Примерно три недели спустя мы с матерью отправились в банк, чтобы получить деньги по аккредитиву. И так как нам выдали большую сумму шестифранковыми монетами, которые мы не могли взять с собой, банкир предложил отправить к нам домой клерка. Он спросил адрес и, когда мы сообщили, что наш дом находится на площади Золотого Льва, очень удивился. Он сказал, что там нет ничего подходящего для нашей семьи, за исключением долго пустовавшего дома, в котором обитают призраки. (Это было произнесено самым естественным тоном и вполне серьезно).

Мы рассмеялись и попросили клерка не упоминать об этом при слугах. На обратном пути она заметила с улыбкой: – Думаю, Бесси, это то самое привидение, которое разбудило нас, топая наверху.

Мы с матерью спали в одной комнате, и три или четыре ночи подряд нас будили медленные шаркающие шаги наверху; мы думали, что это ходит кто-то из слуг. Наша прислуга состояла из трех англичан – лакея, служившего у нас много лет, кучера и конюха, а также трех англичанок – горничной моей матери, она же и экономка, моей личной служанки и няни. Все они потом возвратились с нами в Англию и никогда не думали оставлять нас. Прочая женская прислуга, а также дворецкий, повар, лакей и Луи (мальчик, который с нами приехал) были из местных.

Через несколько дней после нашего визита в банк, вновь проснувшись от звука шагов, матушка спросила Кресвел, свою горничную, кто спит в комнате над нами.

– Никто, госпожа. Там большая пустая мансарда, – ответила она.

Через неделю или дней десять как-то утром Кресвел подошла после завтрака к моей матушке и сообщила, что французские слуги поговаривают о том, чтобы взять расчет, так как считают, что в доме нечисто.

– И в самом деле, госпожа, рассказывают страшную историю о молодом человеке, который унаследовал этот особняк и поместье, где родной дядя заключил его в железную клетку в этом самом доме, – поведала она. – Поскольку он исчез и больше не появлялся, думали, что он был убит здесь. Дядя спешно покинул дом и после продал его отцу человека, у которого вы его сняли. Никто не задерживался в нем дольше нас, потому-то он и пустовал.

– А ты, Кресвел, сама в это веришь? – спросила матушка.

– Ну, – замялась она. – Железная клетка стоит в мансарде у вас над головой. Думаю, вам стоит подняться и поглядеть самим.

В этот момент зашел наш друг, старый офицер, кавалер креста Святого Людовика. Мы с воодушевлением рассказали ему историю, пригласив подняться за компанию, чтобы взглянуть на все своими глазами. Мы вошли в длинную просторную мансарду со стенами из неоштукатуренного кирпича. Она была совершенно пуста, лишь в дальнем углу у стены стояла железная клетка, напоминавшая те клетки, в которых держат диких зверей, только выше: около четырех квадратных футов и приблизительно восемь футов в высоту. Позади нее в стене торчало железное кольцо с ржавой цепью, заканчивавшейся ошейником.

Нам стало не по себе при мысли, что человеческое существо могло содержаться в столь ужасном месте, и наш французский друг был напуган не меньше нас. И все-таки мы были совершенно уверены, что топот по ночам – это часть какого-то плана, кому-то было выгодно, чтобы дом продолжал пустовать. Однако нас тревожило то обстоятельство, что в доме существовал тайный вход, о котором мы раньше не подозревали.

Дней через десять после нашего посещения мансарды Кресвел, пришедшая утром одевать матушку, имела такой бледный и больной вид, что мы спросили ее, в чем дело.

– Госпожа, мы до смерти напуганы, – ответила она. – Ни мисс Марш (моя служанка), ни я не сможем больше заснуть в нашей комнате.

– Вы можете перебраться в комнатку рядом с нашей, – ответила моя мать. – Но что случилось?

– Кто-то прошел через нашу комнату прошлой ночью, госпожа, – сказала она. – Мы обе видели силуэт, но спрятались под одеяло и пролежали так до утра, дрожа от ужаса.

Я начала смеяться, но Кресвел разрыдалась, и, увидев, что она и вправду верит тому, что говорит, я попыталась утешить ее. Я сказала, что мы слышали об очень хорошем доме и скоро переедем. А пока они могут спать в соседней комнате.

Дверь в комнату, где наши служанки испытали такой страх, помещалась в нише первого этажа, выходявшей на широкую лестницу, ведущую в коридор, вдоль которого располагались лучшие комнаты. Дверь комнаты моей матушки находилась прямо напротив лестничной площадки. Кроме того, в прежней комнате Кресвел была вторая дверь на черную лестницу.

Несколько дней спустя после переезда девушек матушка попросила нас с Чарльзом принести из спальни ее пяльцы, чтобы она могла закончить вышивку. И хотя дело было после ужина и уже стемнело, мы не захватили свечу, потому что внизу лестницы стояла лампа, и мы решили, что найдем пяльцы при открытой двери. Спустившись, мы увидели высокую тонкую фигуру в развевающихся одеждах и с распущенными волосами. Мы оба решили, что это Хана, и закричали: – Ну, нет, Хана! Ты нас не испугаешь.

После этих слов фигура скрылась в нише, заглянув в которую, мы уже никого не увидели и решили, что она прошла через бывшую комнату Кресвел и спустилась по черной лестнице.

Вернувшись к матери с пяльцами, мы рассказали ей о проделке Ханы. На что она заметила:

– Странно. Незадолго до того, как вы вернулись с прогулки, Хана отправилась в постель с головной болью.

В комнате Ханы мы застали Эллис, которая сообщила, что Хана давно крепко спит. Через час, собираясь отправиться спать, мы встретили Кресвел. Когда мы рассказали ей о нашей ошибке, она побледнела и воскликнула:

– Это та самая фигура, которую видели мы!

В это время приехал Гарри, чтобы провести с нами десять дней. Он спал в комнате, выходящей на другую лестницу в дальнем конце дома. Однажды утром, спустившись к завтраку, он довольно сердито сказал матушке, что, верно, она вечером посчитала его пьяным и неспособным самостоятельно потушить свечу, раз послала к нему «этого французского шельмеца». И добавил:

– Я вскочил, открыл дверь и тут в лунном свете вижу парня в ночной рубаше внизу лестницы. Если бы я только был одет, то догнал бы его и научил, как за мной шпионить.

Матушка уверила Гарри, что никого не посылала.

В тот самый день мы договорились о переезде в симпатичный дом с очаровательным садом, принадлежавший одному благородному господину, который собирался уехать на несколько лет в Италию. За день или два до переезда нас навестили мистер и миссис Аткинс с сыном, жившие в трех или четырех милях от Лилля. Мы пожаловались на то, как напуганы наши слуги, и как неудобно жить в доме, куда могут проникнуть незнакомцы. Также мы сказали, что теперь никто не соглашается спать в комнате, где Кресвел и моя служанка видели призрака. Миссис Аткинс рассмеялась и уверила, что с позволения моей матушки с удовольствием проведет ночь в той самой комнате, а в компании с терьером ей будет вовсе не страшно. Когда моя матушка ответила, что не возражает, мистер Аткинс с мальчиком поехали домой, чтобы собрать вещи миссис Аткинс до того, как закроются городские ворота.

Наутро миссис Аткинс выглядела больной и, похоже, плохо спала. На наш вопрос, видела ли она что-то страшное, миссис Аткинс ответила, что проснулась оттого, что кто-то ходил по комнате. Пес не проявлял признаков беспокойства, хотя обычно лаял на входящих. Однако при свете камина она ясно увидела фигуру. Миссис Аткинс сказала, что попыталась натравить на гостью терьера, но нам показалось, что миссис Аткинс была слишком для этого испугана. Нас позабавила реакция миссис Аткинс: когда мистер Аткинс, приехав за супругой, сказал в своей шутливой манере, что, должно быть, ей все это приснилось, то вызвал настоящую бурю негодования.

После их отъезда моя мать произнесла:

– Я, конечно же, все равно не могу вообразить, чтобы это было привидение, но искренне надеюсь, что мы переедем в дом, где люди не будут испытывать таких неудобств; я вполне понимаю, что можно испугаться, увидев у себя в спальне незнакомца.

За три дня до нашего переезда в новый дом я была на длительной верховой прогулке и легла спать очень усталой. Стояла жара, и занавеси над кроватью были подняты. Я успела крепко заснуть, когда что-то меня разбудило, но что именно, я сказать не могла (к тому времени мы уже так привыкли к шагам наверху, что ни я, ни матушка от этого звука не просыпались). В комнате всегда горела лампа, и в ее свете я увидела высокую худую фигуру в рубаше. Одна рука незнакомца покоилась на сундуке, стоявшем между окном и дверью. Лицо было повернуто ко мне. Удлиненное, тонкое и бледное, это было лицо юноши, выражавшее такую грусть, которой я не забуду никогда. Разумеется, я была ужасно напугана, но больше всего я боялась, что проснется матушка. К счастью, она спала крепко. В этот миг часы пробили четыре, я пролежала без сна еще около часа, прежде чем решила снова посмотреть в сторону сундука. Но когда осмелилась, то там уже никого не было, хотя я и не слышала, чтобы открывалась или закрывалась дверь.

Всю оставшуюся ночь я не сомкнула глаз, и когда Кресвел, как обычно, пришла утром, я крикнула ей:

– Дверь открыта, ты, должно быть, забыла вчера положить ключ на сундук.

Но она ответила, что дверь заперта, и, к своему удивлению, я обнаружила ключ на обычном месте. Когда я рассказала обо всем матери, она выразила признательность за то, что я не разбудила ее, и настояла на том, чтобы мы не рисковали и не задерживались в доме еще на одну ночь. Так что сразу после завтрака мы стали собирать вещи, чтобы успеть к вечеру переехать.

Перед отъездом Кресвел и я обследовали всю нашу комнату, но не обнаружили никаких потайных ходов.

Волнения, которые начались затем во Франции, и наши семейные заботы постепенно вытеснили из памяти историю о призраке. Однако одним зимним вечером моя матушка заставила меня рассказать эту историю миссис Хор.

Искаженная версия, упомянутая вначале, очевидно, является историей, которая появилась в «Корнхилл Мэгэзин» и принадлежала перу преподобного С. Баринг-Гуда, довольно известного автора. Впоследствии он написал лорду Галифаксу, приложив полученное им письмо:

Дорогой сэр!

Ноябрьский номер «Корнхилл мэгэзин» попал мне в руки лишь недавно. И я нашла в нем Ваш рассказ «Человек в железной клетке», особенно заинтересовавший меня из-за происхождения, приключившегося со мной в отеле «Золотой лев» в Лилле, лет около тридцати назад. И, подумав, что это может быть для Вас небезынтересно, решила Вам написать.

В мае 1887 года я путешествовала с двумя приятельницами из Булони в Брюссель. Одна из моих спутниц, пожилая леди, непривычная к столь длительным поездкам по железной дороге, так устала, что ее сестра решила остановиться на ночь в Лилле. Мы прибыли туда ближе к вечеру. Очутившись в незнакомом городе и намереваясь завтра же утром вновь тронуться в путь, мы спросили ближайший к станции отель, который оказался непритязательной старомодной гостиницей под названием «Золотой лев».

Нас разместили в довольно удобных комнатах на первом этаже. В большей по размерам спальне, которую заняли мои приятельницы, было две двери. Одна выходила на лестницу, другая – в маленькую гардеробную, примыкавшую к моей комнате. Вначале мы думали, что это единственный вход в мою спальню, но, осмотревшись, обнаружили вторую дверь в противоположном конце комнаты. Она, как пояснил хозяин гостиницы, обычно оставалась запертой, и он, казалось, был не намерен ее открывать. Однако моя приятельница настояла, чтобы дверь открыли, а ключ оставили нам. Насколько я помню, она выходила в небольшую нишу, располагавшуюся почти напротив лестницы. Эта ниша, вероятно, использовалась прислугой как кладовка, потому что мы обнаружили там множество веников и ведер, чем, как мы думали, и объяснялось нежелание хозяина отпирать дверь.

Мои приятельницы рано отправились спать, причем горничные уверили их, что ночь будет спокойной, так как мы единственные постояльцы на этаже. На самом деле мы, скорее всего, были единственными постояльцами во всей гостинице, что не удивило нас, ведь сезон еще не начался.

А так как я совершенно не чувствовала усталости, то, пожелав подругам спокойной ночи, села писать письма домой. Я настолько погрузилась в это занятие, что время пролетело незаметно, и было уже между одиннадцатью и двенадцатью, когда я услышала, что тишину в доме нарушают чьи-то довольно тяжелые шаги за дверью, выходящей на лестницу. «Медленная, шаркающая поступь», о которой говорится в вашей истории, – точное описание слышанных мною звуков.

Я не обратила на них особенного внимания, решив, что это кто-то из припозднившихся слуг. Внезапно в другую дверь постучали, и младшая из моих приятельниц, которая, как я думала, уже несколько часов спит, заглянула ко мне и спросила, не случилось ли чего, – ее разбудили мои шаги. Я заверила ее, что не вставала со стула, но тоже слышала шум, который, как показалось мне, доносится из коридора. Мы открыли дверь и с лампой в руке осмотрели нишу и лестничную площадку, но никого не увидели.

Несмотря на то, что шаги, казалось, звучали где-то поблизости, мы заключили, что они доносятся сверху, и вновь заперли дверь. Моя приятельница ушла к себе. А я легла в постель, все еще слыша порой тяжелую, шаркающую поступь.

Мы уехали из Лилля утренним поездом, и я не придавала большого значения этому происшествию. Оно, однако, не стерлось вовсе из моей памяти, так как два месяца спустя я упомянула о нем в записках о своем путешествии. Скорее всего, я бы и не вспомнила об этом, если бы приятельница моей матери, которая интересовалась всякими необычными историями, не передала ей написанный от руки рассказ о призраке в «Золотом льве» в Лилле, очень похожий на Ваш. Тут мне и пришел на память случай, произошедший со мной, и шаги, не принадлежавшие ни одному из живых обитателей гостиницы.

Я написала об этом событии, полагая, что благодаря этому удастся установить, в каком именно доме произошла та печальная история.

Остаюсь искренне ваша...

Тайна замка Гламис

Много было написано о замке Гламис, принадлежавшем графу Стратмору. Следующую историю рассказала лорду Галифаксу миссис Маглаган, супруга архиепископа Йоркского. Мисс Вирджиния Гэбриэл, которую она упоминает, это сочинительница песен и музыки.

Мы встретили мисс Вирджинию Гэбриэл в 1870 году, она только что вернулась из замка Гламис и пребывала под впечатлением таинственности этого места, особенно сгустившейся после смерти в 1865 году нашего деверя. Часовня была отреставрирована и заново торжественно освящена, но вскоре поползла молва о том, что привидения будут запугивать Клода (лорда Стратмора) и его семью, чтобы те не решились поселиться в замке.

Я постараюсь записать все, что рассказала нам Вирджиния, большая часть ее истории была подтверждена позднее леди Стратмор. Оказалось, что после похорон моего деверя нотариус и душеприказчик поверили Клоду семейную тайну. Вернувшись после визита к ним, он сказал жене: «Моя дорогая, ты знаешь, как часто мы шутили по поводу потайной комнаты и семейных секретов. Я был в той комнате и посвящен в тайну, буду очень признателен тебе, если ты никогда больше не станешь упоминать об этом при мне».

Леди Стратмор была хорошей женой и не ослушалась, но с другими она свободно разговаривала на эту тему, и ее старушка-мать миссис Освальд Смит охотно пересказывала всякие загадочные истории, ничего, разумеется, не упуская.

Клод произвел много изменений и улучшений в замке, в том числе пристроил лестницу, ведущую из нижнего зала, или крипты, как его называли, в часовню, куда раньше можно было войти только из большой гостиной. Однажды, когда семейство было в Лондоне, рабочий, трудившийся, вероятнее всего, в часовне, обнаружил дверь, выходящую в длинный коридор; он прошел по нему некоторое расстояние, затем, испугавшись, вернулся и доложил обо всем управляющему. Работы были тут же остановлены, и управляющий телеграфировал мистеру Клоду в Лондон и мистеру Дандасу, нотариусу, в Эдинбург. Оба приехали с первым поездом и тщательно расспросили рабочего обо всем, что он видел. В конце концов его семье была выплачена компенсация, и они вынуждены были уехать из тех мест.

Не подлежит сомнению, что после посвящения в тайну Клод совершенно переменялся: он сделался тихим и задумчивым, а на лицо его легла печать тревоги и грусти. Эти перемены были так заметны, что его сын Гламис, когда пришел срок, не захотел узнать семейный секрет.

Вирджиния сообщила нам, что в нескольких чуланах замка хранились каменные ядра с кольцами для оков. Клод держал в этих чуланах уголь и приказал держать их полными, чтобы никто из любопытных гостей не стал их обследовать. Она также рассказала нам удивительную историю, произошедшую во время празднования новоселья, в ноябре 1869 года. Гости собрались в новой гостиной. Все были очень веселы, и танцы продолжались за полночь. Комнаты, выходящие на Часовую лестницу, занимали Стретфилды (сестра леди Стратмор с мужем), мистер и леди Ф. Тривэнион (сестра лорда Стратмора) и мистер и миссис Монро из Линдертиса. Последние расположились в Красной комнате, их маленький сын спал в гардеробной, дверь в которую была довольно тугой и поддавалась с трудом.

Посреди ночи миссис Монро проснулась с ощущением, что кто-то склонился над ней, и она даже почувствовала, как ее лица коснулась борода. Ночник догорел, и миссис Монро разбудила мужа, попросив его встать и найти спички. В бледном свете зимней луны она увидела фигуру, прошедшую в гардеробную. Миссис Монро сдвинулась к краю кровати и, нащупав коробок, громко воскликнула:

— Сюда, сюда, я нашла спички.

К своему удивлению, она обнаружила, что муж по-прежнему лежит рядом с ней. Сонным голосом он пробормотал:

– Что случилось?

В этот миг из комнаты, где спал сын, донесся крик. Вбежав в гардеробную, они увидели перепуганного ребенка, сказавшего, что в комнате был великан. Родители забрали сына в свою спальню и, пока баюкали малыша, слышали ужасный шум, напоминавший грохот падающей мебели. В этот момент часы пробили четыре.

Больше ничего не произошло, и на следующее утро мистер Монро заставил жену пообещать, что она не станет рассказывать о своих ночных странах, так как эта тема неприятна хозяйкам. Однако концу завтрака, зевая, спустилась Фани Тривэнион, она терла глаза и жаловалась на беспокойную ночь. Ее разбудил лай собаки, ночник погас, и пока они с мужем искали спички, слышали страшный грохот: это было перед тем, как часы пробили четыре. Они так перепугались, что уже не смогли заснуть.

Конечно, это было слишком для миссис Монро, которая не удержалась и рассказала свою историю. Никаких объяснений не последовало, и три пары сговорились на следующую ночь дежурить в своих комнатах. Ничего видно не было, но все они слышали тот же грохот и выбежали на лестницу. Когда они стояли там с испуганными лицами, часы снова пробили четыре. На этом все закончилось, и шум уже не повторялся.

В тот год мы больше не были в Гламисе, но, все еще находясь под впечатлением этих загадочных историй, посетили Туллиаллан-Касл, большой и комфортабельный современный дом. Его хозяевами были пожилые и чрезвычайно жизнерадостные люди, лорд и леди Уильям Осборн, и ничто в обстановке того дома не наводило на мысли о призраках. Ночью 28 сентября мне приснилось, будто я в Голубой комнате в замке Гламис, которую мы с Эдди занимали во время такого памятного и приятного визита в 1862 году. Мне приснилось, что я гуляла в парке, любясь лошадьми, когда услышала гонг к обеду, и со всех ног кинулась наверх, прося остальных не ждать меня. В коридоре я встретила горничную, вышедшую из Голубой комнаты с ржавыми цепями в руках, которые она протянула мне.

– Где ты нашла это? – спросила я.

Она ответила, что, чистя камин, обнаружила камень с кольцом и решила поднять его, а под ним обнаружила цепи.

– Я захвачу их вниз, – сказала я. – Его светлость интересуется всеми находками в замке.

Я открыла дверь в Голубую комнату, и тут мне в голову пришла мысль: «Говорят, что призрак появляется всякий раз, когда что-нибудь обнаруживается. Интересно, придет ли он ко мне». Я вошла и увидела в кресле у камина грузного мужчину с предлинной бородой и невероятных размеров животом, который опускался и поднимался в такт его дыханию. Я задрожала от ужаса, но все же приблизилась к камину и присела на ящик с углем, не сводя глаз с призрака. Несмотря на то, что он тяжело дышал, я ясно видела, что у него лицо мертвеца.

Тишина была невыносимой, и наконец я подняла обрывки заржавевших цепей и сказала:

– Смотрите, что я нашла.

Хотя это было неправдой, ведь их обнаружила не я, а горничная.

Тут призрак с глубоким вздохом произнес:

– Ты сняла с меня тяжкое бремя, которое давило на меня с тех самых пор...

– С каких? – взволнованно спросила я, в этот момент любопытство пересилило страх.

– С тысяча четыреста восемьдесят шестого года, – ответил призрак.

Тут, к моему облегчению, послышался стук в дверь.

«Это Кэролин (моя служанка), пришла помочь мне переодеться, – подумала я. – Интересно, увидит ли она ужасное создание».

– Входи, – позвала я и проснулась.

И в самом деле, это была Кэролин. Она распахнула ставни, и в комнату устремился веселый солнечный свет. Я села в кровати и обнаружила, что ночная сорочка на мне промокла от пота. Я спустилась вниз, поглощенная мыслями о своем сновидении, и более всего меня занимала одна деталь: комната хоть и была точь-в-точь как я ее помнила, но камин располагался в другом углу. Я была настолько в этом убеждена, что когда на следующий год в Гламисе посетила ту самую комнату, то обнаружила, что мой сон оказался точен, а память подвела меня. Я едва поверила глазам. Я даже рискнула вызвать насмешки хозяев, спросив у Клода, не перенесли ли они камин, что, конечно, было бы маловероятно и очень непросто, учитывая древность постройки и толщину стен.

Эта часть моего сна очень заинтересовала доктора Акланда и прочих оксфордских преподавателей как неопровержимое подтверждение теории, что мозг всегда фиксирует точную картину восприятия при отсутствии посторонних влияний. Я записала свой сон, но рассказывала о нем лишь немногим.

Год или два спустя миссис Уингфилд, дочь лорда Кэслтауна, встретилась на водах с моим братом Эриком и стала расспрашивать его о моем сновидении. С ней тоже произошел один странный случай, о котором я могу рассказать лишь с чужих слов, ибо нам с миссис Уингфилд никогда не доводилось встречаться.

Насколько я смогла выяснить, она первый раз гостила в Гламисе, в ту же неделю, если не в тот же самый день, когда мы поехали в Туллиаллан. Она расположилась в Голубой комнате, но не слышала никаких историй о бородатом графе и его призрачных товарищах. Она отправилась в постель с зажженным ночником, который был достаточно ярким, чтобы почитать при его свете перед сном. Ночью она проснулась от ощущения, что в комнате кто-то есть. Сев на постели, она увидела в кресле перед камином фигуру грузного старика с длинной бородой. Он повернулся и пристально посмотрел на нее, и она увидела лицо мертвеца. Она не была особенно испугана, но, к сожалению, не попыталась заговорить с гостем. Через несколько минут он исчез, а она снова заснула.

На следующее утро, когда мистер Освальд Смит стал рассказывать ей легенды замка, она перебила его:

– Сперва позвольте рассказать вам о том, что я видела прошлой ночью.

Неважно, было ли это явью или всего лишь сном, совпадение показалось мне любопытным. Никаких последствий наши сны не имели, но через несколько лет, по дороге из Гламиса в Кортаху, моя мать спросила, говорила ли я об этом леди Стратмор. Я ответила, что не придавала этому значения, но она настояла, чтобы я изложила леди Стратмор все, что здесь написано. Когда я дошла до даты, леди Стратмор вздрогнула и обратилась к Фани Тривэнион:

– Это чрезвычайно странно.

– Это наверняка не тот год? – спросила я. – Я думала это тысяча пятьсот какой-то.

– Нет, это был тысяча четыреста восемьдесят шестой, без малого четыреста лет назад, – ответила она.

– Конечно, я могла слышать эту дату и раньше, но совершенно этого не помнила.

После 1870 года мы приезжали в Гламис каждый год, почти всегда проводя там матушкин день рождения. Часовня носила имя св. Михаила; когда ее заново освящали, его избрали патроном этого места в надежде, что он охранит дом от злых сил. Обычно меня селили в комнату, где чаще всего появлялись призраки, покои короля Малкольма, но мне ни разу не доводилось ночевать там, потому что моя матушка боялась и не любила оставаться по ночам одна, и в Гламисе я всегда спала с ней.

Мы никогда не видели и не слышали ничего сверхъестественного, и те, кто охотно верит в привидения, говорили: это потому, что в наших жилах течет кровь Лайонов, а призраки никогда не показываются представителям этого рода. Моя прабабушка со стороны матери, леди Энн Симпсон, которая была из Лайонов, очень хотела увидеть что-нибудь необычное; я часто

заставала ее стоящей в комнате, прижавшись лицом к оконному стеклу в надежде увидеть Белую даму, совершенно безвредное привидение, пролетавшее, как говорили, иногда по аллее. И вот однажды по прибытии мы застали весь дом в ужасном волнении: леди Стратмор, ее племянницы и леди Гласгоу видели Белую даму из разных окон в одно и то же время. Но их впечатления были туманными и сбивчивыми.

Я должна записать еще одну историю, которую рассказал мне доктор Николсон, декан Брехина. Однажды он гостил в Гламисе и лег спать в комнате, выходившей на винтовую лестницу. Дверь была заперта, но он увидел, как вошла высокая фигура в длинном темном одеянии, сколотом на горле застежкой. Не проронив ни единого слова, фигура скрылась в стене.

Епископ Брехина, доктор Форбс, тоже гостивший в замке и весьма скептически настроенный по поводу призраков, стал подшучивать над своим другом, говоря:

– Что ж, господин декан, нам всем известно, что вы самый истовый сборщик пожертвований во всей Шотландии. Я уверен, что при случае вы достанете свою тетрадь и убедите даже привидение внести свою лепту.

На следующую ночь, к удовлетворению мистера Николсона, мэр Перта, присоединившийся к компании, рассказал, что тоже видел странного гостя, когда спал в той же комнате во время прошлого визита. Декан тут же привел его к епископу и заставил повторить историю этому неверующему прелату.

Епископ Форбс и дядя Роберт Лидделл⁵, оба предлагали провести в замке обряд экзорцизма, но обряд так никогда и не был проведен. Полагаю, Клод этого боялся. Без сомнения, с замком Гламис было связано нечто странное. Капеллан говаривал, что он стал чувствовать это со временем все сильнее, а вот управляющий имением, мистер Ралстон, сдержанный, здравомыслящий, практичный шотландец, ни за что не соглашался спать в замке после того, как был посвящен в тайну. Однажды зимним вечером, когда он был в замке на спектакле, разразилась снежная буря, и дорогу к его дому замело; он наотрез отказался переночевать на диване и поднял на ноги садовников и конюхов, чтобы они расчистили путь к его дому, который, между прочим, находился в миле от парка. Леди Стратмор призналась мне, что попросила мистера Ралстона удовлетворить ее любопытство по поводу тайны. Он серьезно посмотрел на нее и мрачно сказал:

– Это счастье, леди Стратмор, что вы не знаете и не узнаете этого, иначе вы никогда более не будете счастливы.

Подобные слова, произнесенные таким человеком, следовало, разумеется, понимать в их самом прямом смысле.

Многие годы спустя, в сентябре 1912 года, я посетила Гламис со своей дочерью, Дорой, в первый раз после смерти Клода. Его сын, нынешний хозяин замка, не имел ничего против разговоров о призраках. Он и его жена очень заинтересовались моим сном и попросили меня сделать копию записей. Леди Стратмор рассказала, что во время первого своего визита в Гламис после свадьбы они с мужем жили в Голубой комнате. Ночью ей приснилось, что она видит мужчину, смотревшего на нее с другого конца кровати; только он был худой, а не грузный, как мой призрак. Она проснулась в страхе и разбудила мужа, но, разумеется, в комнате никого не было. Двое из ее детей – Роуз, вторая дочь, и Дэвид, младший сын, – часто видят призрачные фигуры, блуждающие по замку. Детей они не пугают, но Роуз сказала, что не хотела бы спать в Голубой комнате. Они и горничная часто видели тени в Дубовой комнате, которую раньше всегда занимала моя мать, но теперь ее превратили в еще одну гостиную. Покои короля Малкольма, небольшая комната, где я обычно переодевалась, превратилась в коридор. Это явное улучшение, так как теперь можно свободно проходить в гостиную и часовню.

⁵ Преподобный Роберт Лидделл в течение многих лет был викарием собора Св. Павла в Найтсбридже.

Серый человек из Ротхэма

Эту историю предваряло письмо к лорду Галифаксу, датированное 29 апреля 1883 года. Подпись корреспондента была отрезана.

«Зная Ваши интерес к загадочным рассказам, прилагаю следующую историю. Ею поделилась с епископом Хайером жена майора Королевских инженерных войск Алюрета де Фер Брука. Мы решили получить какие-нибудь подтверждения и поэтому заручились свидетельством няни (К. И. Пейдж), которое у нас имеется и, если вы пожелаете, будет вам предоставлено».

Осенью 1879 года, когда мой муж был капитаном и адъютантом Королевских инженерных войск в Чатеме, нас пригласили провести пару дней с друзьями в Ротхэме, старинном поместье, расположенном в восьми милях от Мэдстона.

Мы отправились туда в собственной карете и, так как погода стояла холодная и ветреная, порадовались, что захватили медвежьи шкуры и теплые накидки, которые несколько лет назад купили в Канаде.

Мы прибыли в Ротхэм как раз вовремя, чтобы переодеться к обеду, и нам сразу же показали наши комнаты. Они находились в самом конце длинного коридора, наверху короткой лестницы, в удаленном крыле старинного дома. Просторная спальня не была соединена с гардеробной, которая располагалась в нескольких шагах по коридору. Камин, вероятно, разожгли всего за несколько минут до нашего приезда, и в комнате было так холодно, что я попросила мужа принести накидки, которые мы оставили в карете, полагая, что ночью они нам не пригодятся. Так он и сделал.

После ужина мы отправились на благотворительные чтения, в которых приглашены были играть и петь, а по возвращении было решено устроить танцы, поскольку к ужину собралось множество гостей, и потому спать мы ушли только около двух.

Однако ни в ту ночь, ни в следующую, когда мы снова танцевали допоздна, нам так и не удалось как следует выспаться. Несмотря на огонь в камине и шкуры, мы страшно мерзли, и мой муж даже заявил, что никогда не станет больше ночевать в этой спальне. Мы решили, что всему причиной сырые матрасы и то, что, по-видимому, комната долгое время пустовала. Никто из нас не подумал, что холод может объясняться какими-нибудь сверхъестественными причинами.

Следующий весной капитан Брук и я с нашей маленькой дочерью, которой исполнилось пять лет, были приглашены провести неделю в Ротхэме. Мой муж не мог оставить службу, но настоял, чтобы я приняла приглашение: дочь была нездорова, и мы решили, что перемены пойдут ей на пользу.

Мы отправились туда, взяв с собой няню, но, помня наш прошлый опыт, я заранее написала, попросив хорошенько протопить комнаты и просушить матрасы. Мы прибыли в Ротхэм в субботу, намереваясь пробыть ровно неделю. Увидев, что нам отведены те же комнаты, в которых мы с капитаном Бруком останавливались в прошлый раз, я распорядилась, что няня будет спать в гардеробной, а ребенок со мной.

В тот вечер я засиделась допоздна, разговаривая с леди М. и ее дочерью. Помню, когда мы отправились спать и проходили мимо зала, большие старинные часы пробили час, и я сказала, что наступило воскресенье.

Войдя в комнату, я тотчас же вздрогнула от холода и сразу подошла к дочке, чтобы проверить, не замерзла ли она. Девочке, казалось, было тепло, и она крепко спала, но через час после того, как я легла подле нее, меня стал бить озноб.

В восемь часов утра в воскресенье в комнату вошла няня, она была бледна, с красными глазами и выглядела очень испуганной. Я не сдержала восклицания, увидев ее. Она объяснила,

что дурно провела ночь. До первого часа кто-то в коридоре развлекался глупыми шутками, «открывая дверь, смеясь снаружи, уходя и вновь возвращаясь».

– Почему же ты не заперлась? – спросила я.

– Я запирала ее дважды, но каждый раз через некоторое время она открывалась снова, – последовал ответ.

Я уже решила, что няне все приснилось, и расспросила ее, что она ела за ужином. Она отправилась завтракать, после чего вернулась очень взволнованная.

– О, мадам, ведь это ужасно! В этих комнатах обитают привидения, и двери до часу ночи запереть невозможно.

Оказалось, что слуги укрепили ее подозрения вопросами о том, как она спала, и сказали, что бояться нечего, просто не нужно запираť дверь до часу, и тогда ничего не случится. Я сказала ей, что все это, мягко говоря, очень неприятно и что я во всем разберусь. На обратном пути после утренней службы я расспросила леди М. о доме, поинтересовавшись, какая его часть наиболее стара, и не связаны ли с какими-нибудь комнатами легенды о привидениях. Хозяйка с дочерью многозначительно переглянулись. Затем молодая хозяйка сказала:

– В доме действительно появляются привидения, но я не скажу, где именно, чтобы не распалить ваше воображение.

– Думаю, мне уже известно, – ответила я. – А прошлой ночью призрак напугал няню моей дочери.

Они не дали больше никаких разъяснений и лишь предложили, чтобы вместе с няней спала их горничная, если девушка боится ночевать в комнате одна. Я согласилась на это и, перед тем как лечь спать, велела девушке не запираť дверь и не думать о всяких глупостях, потому что никаких привидений, разумеется, не существует.

Раздевшись, я села у камина, желая разобраться в собственных ощущениях. Я определенно нисколько не была тогда взволнована или встревожена, просто мне было любопытно, что же произойдет дальше. Я разожгла огонь, заперла дверь и предприняла еще одну предосторожность – пододвинула к двери кресло. Вначале я решила сидеть и наблюдать, но, почувствовав усталость, легла в постель и уснула.

Я проснулась, как мне казалось, довольно скоро и услышала, что часы бьют двенадцать. Я попыталась снова заснуть, но с каждой минутой мне становилось все холоднее и холоднее, так что сон вскоре прошел. Я могла только лежать и ждать.

Тут послышались шаги, вначале в коридоре, затем на лестнице, и, когда они приблизились к моей двери, я испугалась. Побранив себя, я даже стала горячо молиться.

Затем раздался тихий звук, словно кто-то поворачивал ручку двери, которая бесшумно отворилась. Внутри полился бледный свет, совсем не похожий на отсвет камина, и в комнату вошел мужчина, одетый в серый, расшитый серебром сюртук и треуголку. Он остановился у дальнего края кровати, спиной к окну. Я лежала, охваченная смертельным ужасом, и смотрела на него. Но он повернулся и вышел из комнаты с коротким смешком, сделал несколько шагов по коридору и затем вернулся.

После этого я, скорее всего, потеряла сознание, потому что очнулась только около двух часов. Я не стала вставать и, все еще полагая, что мне привиделся кошмар, постаралась снова заснуть. Когда утром в комнату вошла служанка и отодвинула кресло, моя вера в сверхъестественное была уже не столь сильна.

Вечером в понедельник я попросила няню, которая, между прочим, провела прошлую ночь спокойно, постелить себе на диване в моей комнате. Я не стала рассказывать ей о том, что видела, и мне все еще доставало мужества проверить, повторится ли все это опять. Вновь, уже третью ночь кряду, я проснулась, когда часы пробили двенадцать. Я шепотом позвала няню и выяснила, что она тоже не спит, мы обе почувствовали холод.

– Я слышу шаги, мадам. А вы? – вскоре сказала она.

– Я тоже, – ответила я. – Сейчас я встану и посмотрю, что это такое.

Я сделала несколько попыток подняться, но тщетно. Казалось, будто я была привязана к кровати. И на этот раз мужество меня оставило. Вновь дверь распахнулась, и появилась серая фигура, разразившись дьявольским смехом. Няня видела все это так же ясно, как я, и подтвердила, что не могла ни заговорить, ни шевельнуться, пока все не закончилось.

На следующий день я рассказала хозяйкам дома обо всем, что случилось, а также прибавила, что мои нервы на пределе и я вынуждена отправиться домой. Напрасно они уверяли, что гость больше не побеспокоит меня, что он «является только три раза, и всегда приезжим, и никогда никому не причинял вреда», и говорили прочее в том же роде. Я отказалась снова повторить эксперимент и, покинув тогда же дом, потеряла и дружбу его хозяйки.

Думаю, что привидение в этом доме является уже лет семьдесят пять; должно быть, это дух человека, убившего брата в той самой комнате, где я спала, и выбросившего тело в окно. Мне говорили, что сохранился портрет одного из братьев, одетого точно так, как я описала.

М.А. де Ф.Б.

Копия письма няни, которая спала в комнате с миссис Брук и ее ребенком в ту самую ночь, когда явилось привидение.

Дорогая мадам!

Спасибо за Ваше любезное письмо. Я так рада слышать, что моя мисс М. поправляется и вскоре будет такая же здоровенькая, как и прежде. Я часто Вас вспоминала и жалела, что меня нет рядом, чтобы помочь нянчить милую крошку. Иногда мне кажется, что она слишком добра и прекрасна для этого мира, но молю Бога, чтобы Он оставил ее с нами.

Мадам, Вы просили меня рассказать как можно точнее о том, что произошло в ту ночь у леди М. Я не очень люблю это вспоминать, но вот что приходит мне на память. Вы велели мне переночевать в комнате с Вами и мисс М. В полночь мы проснулись, услышали бой часов и почувствовали холод. Затем раздались шаги по коридору, и Вы сказали: «Я пойду и посмотрю, что там», но так и не встали. Тогда дверь, которую Вы заперли, отворилась, вошел человек в сером и стал смотреть в окно, его заливал яркий свет, было очень холодно, но моя сорочка намочила от пота. Затем он дважды уходил и возвращался, у двери послышался злобный смех, шаги удалились по коридору, и Вы произнесли: «Слава Богу, все кончено». Мы обе расплакались, Вы зажгли свечу, дверь была широко открыта, и Вы сказали: «Собираемся и завтра же уезжаем домой, не могу долее оставаться здесь без мужа». Думаю, это все.

Ваша преданная слуга...

Привидение из Хинтон-Эмпнера

Эта история начинается следующим комментарием.

Ссылки на этот рассказ появились в недавно опубликованной «Жизни преподобного Ричарда Бархэма», но приведенная там версия не полна и неточна в некоторых деталях. Поэтому владельцы двух рукописных копий, сделанных миссис Рикетс, решили, что наступило время опубликовать подлинные манускрипты, и что у них есть все основания присоединить к ним выдержки из писем родственников и друзей, которые имеют прямое отношение к делу.

Рукопись была передана лорду Галифаксу его другом, епископом Винчестерским (доктором Гарольдом Брауном). Рассказ приводится в подробном изложении Мэри Рикетс. Ему предшествуют отрывки из ее переписки с мужем, мистером Уильямом Генри Ракетсом (который в то время находился на Ямайке), братом Джоном Джервисом (выдающимся мореплавателем, ставшим позднее лордом Сент-Винсентом), мистером Сансбери, поверенным леди Хиллсборо, который был владельцем Хинтон-Хауса, и другими. Большей частью эти письма лишь повторяют рассказ миссис Рикетс.

Подробное изложение всех обстоятельств миссис Рикетс

Хинтон-Парсонэдж, июль, 1772

Моим дорогим детям я адресую этот рассказ.

Желая в точности передать потомкам, в том числе и моим, то, что достоверно узнала, я решила изложить все письменно и представить на их внимательное и вдумчивое рассмотрение, умоляя не забывать о милости Провидения, охранившего их от страха и ужаса, сопутствовавших ряду волнующих событий, происходивших вокруг них...

Я отдаю на всесильный и непогрешимый суд Неба и земли все, что я здесь написала, напрягая память и ум.

Мэри Рикетс

Большой особняк и поместье Хинтон-Эмпнер, неподалеку от Алресфорда, что в Гэмпшире, в 1775 году перешли к почтенному Генри Билсону Леггу через жену, дочь и единственную наследницу лорда Ставелла, который женился на старшей дочери и сонаследнице сэра Хью Стьюкели, баронета, чьи предки на протяжении многих поколений владели Хинтоном, унаследованным через этот брак мистером Ставеллом по смерти вышеупомянутого сэра Хью. Мистер (после смерти старшего брата ставший лордом) Ставелл сделал Хинтон своей постоянной резиденцией. Гонория, младшая сестра его жены, жила в Хинтоне и после смерти сестры, последовавшей в 1754 году.

Вечером 2 апреля 1755 года с лордом Ставеллом, сидевшим в одиночестве в маленькой гостиной Хинтона, случился эпилептический припадок. Он смог произнести внятно лишь одно предложение, лишился чувств и скончался следующим утром, не приходя в сознание. Его прислуга на то время была следующей: Исаак Макрел, дворецкий и управляющий имением, Сара Парфит, экономка, которая прожила в семье около сорока лет, Томас Парфит, кучер, муж Сары, Элизабет Бэнкс, горничная, давно служившая в доме, Джейн Дэвис, работавшая на ферме, Мэри Баррас, кухарка, Джозеф Сибли, лакей, Джозеф, конюх, Ричард Тернер, садовник. У лорда Ставелла был один сын, который умер в Вестминстерской школе в возрасте шестнадцати лет.

Томас Парфит, его жена и Элизабет Бэнкс продолжали вести хозяйство в доме, пока был жив мистер Легг, который приезжал туда ежегодно на месяц, чтобы поохотиться. После его

смерти в августе 1764 года леди Ставелл вновь вступила во владение поместьем и, собираясь замуж за графа Хиллсборо, решила продать Хинтон. Мистер Рико с приобрел его в следующем декабре. Томас Парфит к тому времени скончался, и его жена вместе с Элизабет Бэнкс взяли расчет, когда дом перешел к нам в январе 1765 года.

Мы переехали туда из города и взяли с собой собственную прислугу. Так что какое-то время мы не нанимали местных жителей. Вскоре после того, как мы поселились в Хинтоне, я стала часто слышать шум, словно кто-то закрывает или, скорее, захлопывает двери. Мистер Рикетс неоднократно обходил дом, полагая, что кто-то проник внутрь, или слуги забыли свои обязанности. Во время этих обходов он ни разу никого не обнаружил. Слуги оказывались на своих местах, и везде сохранялся порядок.

Но шум не прекращался, и мы заключили, что у некоторых жителей деревни имеются ключи и они могут входить и выходить из дому, когда им вздумается. Оставалось только смелить замки, что и было сделано незамедлительно, однако не произвело ожидаемого результата.

Через шесть месяцев после переезда Элизабет Брелсфорд, няня нашего старшего сына Генри, которому было тогда восемь месяцев, сидела с ним, пока он спал в детской, располагавшейся над буфетной. Был жаркий летний вечер, и она открыла дверь, что находилась напротив входа в Желтую спальню, которую вместе с примыкавшей гардеробной обычно занимала хозяйка дома. Няня сидела напротив двери и ясно увидела, как потом рассказывала, джентльмена в выцветшем костюме, направлявшегося в Желтую комнату. В тот момент она совсем не удивилась, но, когда горничная Молли Ньюмэн принесла наверх ужин, поинтересовалась, что это за странный джентльмен пожаловал в гости. Услышав, что никто не приезжал, она рассказала о том, что видела, другим слугам, попросив вместе с ней обыскать комнату. Что они незамедлительно сделали, но не нашли ничьих следов.

Элизабет была обеспокоена и встревожена и, тем не менее, уверена, что не ошиблась, было еще достаточно светло. Когда через некоторое время ее рассказ дошел до меня, я решила, что это следствие суеверных страхов, которым столь подвержен низший класс. Этот случай совершенно изгладился из моей памяти, пока другие поразительные происшествия не напомнили о нем.

Осенью того же года сын садовника, Джордж Тернер, который служил тогда конюхом, проходил через главный зал, направляясь в свою спальню, и в другом конце увидел человека в грязно-коричневом сюртуке. Он решил, что это недавно поступивший на службу лакей, которому не успели сшить ливрею, но когда он поднялся наверх и вошел в комнату, где ночевали слуги, был очень удивлен, застав всех, в том числе и лакея, в постелях. Таким образом, человек, которого он видел в зале, как и описанный няней, остался неузнанным. Джордж Тернер, который жив до сих пор, по-прежнему описывает все в тех же подробностях, как излагал нам.

В июле 1767 года около семи часов вечера Томас Вилер, фореитор, Энн Холл, моя личная служанка, Сара, горничная миссис Мэри Поинтс, и Дэйм Лэйси сидели в кухне. Остальных слуг в доме не было, за исключением кухарки, которая стирала в судомойне. Все сидевшие в кухне услышали шаги женщины, спускавшейся по лестнице и направлявшейся по коридору в их стору. Видели ее не очень ясно, но все различили высокую фигуру в темных одеждах. Дэйм Бракн, кухарка, вошедшая в этот момент, видела, как она продефилировала совсем близко и затем исчезла. Кухарка описала женщину и ее одежду точно так же, и, пока все они обсуждали это явление, через двор в дом вошел мужчина, через те же двери, в которые должна была выйти женщина. Когда его стали расспрашивать, он объявил, что никого не видел.

Тем временем шум продолжался, горничная мисс Паркер, Сьюзан Мэдстоун, была напугана жуткими стонами и шорохом вокруг ее кровати. И большинство слуг в разное время слышали всякие странные звуки.

В самом конце 1769 года мистер Рикетс уехал на Ямайку, а я с маленькими детьми и восемью слугами оставалась в Хинтоне. Прислуга, за исключением управляющего, швейцарца, была набрана из невежественных деревенских жителей.

В продолжение некоторого времени после отъезда мистера Рикетса я, ночуя в спальне над кухней, слышала, как в комнате за стеной кто-то ходит. Шорох, похожий на шуршание шелкового платья, за дверью был порой таким громким и продолжительным, что мешал отдыхать. И хотя мы постоянно занимались поисками, нам ни разу не удалось обнаружить следов присутствия ни человека, ни животного. Из-за этих неприятностей я взяла в привычку постоянно обыскивать комнату и шкафы и оставлять открытой лишь одну дверь, чтобы никто не мог войти внутрь иначе как через мои покои. Но, несмотря на эти предосторожности, неприятные случаи регулярно повторялись.

Как-то раз один старик, живший в лачуге в Вест-Меоне, пришел поговорить со мной. Он сказал, что не будет ему покоя, пока он не поведаст мне историю, которую часто повторяла его жена. В дни ее юности один знакомый плотник рассказывал, что однажды за ним послал сэр Хью Стюкелли и велел вынуть несколько паркетин из пола гостиной, где теперь была приемная. Плотник полагал, что сэр Хью собирался что-то спрятать там, вероятно сокровища. Позже ему было приказано снова поставить паркетины на прежнее место. Я передала эту историю мистеру Сансбери, поверенному леди Хиллсборо, предложив ему вскрыть пол и проверить тайник.

В феврале 1770 года двое моих слуг взяли расчет и на их место поступили другие люди. Немного позже уволился дворецкий, и я наняла нового человека. В течение моего семилетнего пребывания в Хинтоне слуги менялись неоднократно, так что ко времени нашего отъезда штат полностью обновился. Я упомянула этот факт, чтобы доказать невозможность сговора между прислугой.

Летом 1770 года, лежа в Желтой спальне, я отчетливо услышала шаги, приближавшиеся к изножью постели. Я подумала, что опасность слишком близко и звонить в колокольчик не имеет смысла, и, миглом вскочив с постели, побежала в детскую, находившуюся напротив. Я вернулась со служанкой и свечой, чтобы обыскать спальню, но ничего не обнаружила. В гардеробной, как всегда, горел свет, а из комнаты не было другого выхода, кроме двери в детскую. В то время, когда раздались шаги, я бодрствовала и была вполне спокойна.

В течение следующих нескольких месяцев я не слышала никакого шума, который привлек бы мое внимание, до ноября того же года. Когда я перебралась в Ситцевую спальню над залом, раз или два до меня доносились звуки музыки, а однажды ночью я услышала три сильных удара, словно кто-то колотил в дверь дубинкой или другим тяжелым орудием. Я подумала, что это ломаются грабители, и немедленно позвонила в колокольчик. Никто не отозвался, но шум стих и больше не повторялся. После этого и в начале 1771 года я часто слышала приглушенное бормотание, которое, казалось, наполняло весь дом. Оно не походило ни на один звук, слышанный мной прежде, и не могло быть шумом ветра, потому что раздавалось и в самые тихие ночи.

Утром 27 февраля, когда моя служанка Элизабет Годин вошла ко мне в комнату, я спросила у нее о погоде. Заметив, что она отвечает совсем слабым голосом, я спросила, не больна ли она. Она ответила, что вполне здорова, но никогда еще не испытывала такого страха, как прошлой ночью. Она слышала жуткие стоны возле своей кровати, но когда она встала, чтобы осмотреть комнату и заглянуть в камин, то ничего не обнаружила, хотя луна светила ярко. Я не придавала тогда ее словам особенного значения, мне только пришло на ум, что она будет бояться ночевать в той комнате, если кто-нибудь расскажет ей, что раньше там жила миссис Парфит, старая экономка, которая умерла в Килмстоне несколько дней назад и была похоронена на кладбище в Хинтоне.

Пять недель спустя, второго апреля, я проснулась в половине второго, как я определила, взглянув на часы, стоявшие на столике возле кровати. Некоторое время я пролежала без сна и

вдруг услышала, как кто-то ходит взад и вперед по примыкавшей приемной. Я встала с постели, подошла к двери и прислушивалась в течение минут двадцати. Все это время до меня доносился звук шагов и вдобавок шум, словно кто-то толкал дверь с другой стороны. Убедившись, что не ошиблась, я решилась позвонить в колокольчик, чего не делала прежде, потому что не хотела беспокоить няню, лежавшую с сильной лихорадкой. Элизабет Годин, которая спала в комнате с моими сыновьями, услышав звонок, тут же поспешила ко мне. Я была уверена, что в приемной кто-то есть, и потому, прежде чем открыть дверь, спросила, видела ли она кого-нибудь. Она ответила отрицательно, и я вышла к ней, осмотрела окно, которое оказалось закрыто, заглянула под кушетку – единственный предмет, за которым можно было спрятаться. Я отодвинула каминную решетку, но за ней тоже ничего не обнаружила. После окончания осмотра я стояла посреди комнаты, недоумевая, что же могло произвести этот шум, как вдруг дверь в небольшой нише, ведущей в Желтую комнату, закрипела так, словно ее толкали с другой стороны. Нервы мои не выдержали, я кинулась в детскую и позвонила, чтобы позвать слуг. Кучер, Роберт Камис, подошел со стороны лестничной площадки к двери, которая запиралась каждую ночь, так что на этаж можно было попасть только через окно. Открывая ему, я сообщила, что кто-то, вероятно, прячется за дверью в Желтую комнату. Он взял фонарь и вооружился деревянной палкой, а мы с Элизабет Годин стояли позади. Открыв дверь, он никого не обнаружил. Затем дверь в Желтую комнату заперли на ключ, а наружные двери были закрыты на засов. После того как Роберт снова запер дверь и ушел к себе, я легла в комнате сыновей. Приблизительно через полчаса я снова услышала три отчетливых удара. Мне показалось, что они доносятся откуда-то снизу, но точно я определить не могла. Следующей ночью я легла в своей комнате и там время от времени слышала шум и бормотание, которое описывала выше.

Седьмого мая бормотание стало необычайно громким. Я не могла заснуть, предчувствуя, что это лишь прелюдия. В конце концов я встала и пошла в детскую, где оставалась до половины четвертого, и, вернувшись в свою комнату, лишь когда начало светать, постаралась хоть немного поспать. Я лежала без сна и за десять минут до четырех часов двери в зал, находившиеся прямо подо мной, хлопнули с такой силой, что я почувствовала, как стены комнаты затряслись. Я вскочила с постели, подбежала к окну и стала смотреть на крыльцо. Было уже довольно светло, но ничего особенного я не увидела. Парадная дверь, когда я проверила ее, оказалась накрепко заперта.

С тех пор я распорядилась, чтобы моя служанка спала со мной в комнате на диване. Шум стал доноситься все чаще. Мне по-прежнему не хотелось рассказывать об этих происшествиях; и, несмотря на неоднократные расследования, я не смогла обнаружить и намек на розыгрыш. Напротив, я была убеждена, что это не под силу смертным. Однако, сознавая, как опасны подобные мысли, держала их при себе. Во второй половине лета шум становился с каждой ночью все невыносимей. Начиналось все еще до того, как я ложилась спать, а прекращалось уже засветло. Часто я даже могла различить речь. Обычно сперва раздавался пронзительный женский голос, а затем к нему присоединялись два более низких, мужских. Но хотя разговаривали, казалось, совсем близко, я не могла разобрать ни единого слова. Однажды ночью балдахин моей кровати зашуршал так, словно кто-то отдергивал занавески. Я спросила у Элизабет Годин, слышала ли она что-нибудь, и она ответила, что у нее точно такое же ощущение. Несколько раз до меня доносились звуки музыки, не аккорды и не отдельные ноты, а некий отголосок, и каждую ночь шаги, разговоры, стук, хлопанье дверей повторялись.

Мой брат, незадолго до того вернувшийся со Средиземного моря, приехал погостить, но моя история была столь неправдоподобной, что я не решилась поделиться даже с ним. Однако однажды утром я как бы невзначай сказала ему:

– Я думала, что мои слуги будут мешать тебе отдыхать, и позвонила, чтобы отправить их спать.

Но он ответил, что ничего не слышал.

Назавтра, приблизительно через три часа после отъезда брата в Портсмут, Элизабет Годин и я проснулись в своих постелях. Она села, озираясь вокруг, словно ожидая увидеть что-то ужасное. Внезапно я услышала самый громкий и жуткий звук, который словно накатывал и удалялся с невероятной силой и скоростью по полу приемной, примыкавшей к моей комнате.

– Милостивый боже! Ты слышала этот звук? – крикнула я Годин.

Она молчала, но, когда я повторила вопрос, ответила дрожащим голосом, что ужасно перепугалась и едва осмелилась говорить. Теперь мы услышали визг и страшный крик, доносившийся из-под того места, где раздавался шум. Это повторилось три или четыре раза, звук все слабел и удалялся, пока, казалось, не исчез под землей. Хана Стритер, которая спала в комнате с детьми, тоже все слышала, она около двух часов пролежала без движения, едва не лишившись чувств.

Оттого, что раньше она ни с чем подобным не сталкивалась, она опрометчиво высказала желание снова услышать эти звуки, и с тех пор едва ли не каждую ночь у ее спальни раздавались шаги и казалось, будто кто-то хочет вломиться внутрь.

Последний случай был так ужасен, что я решилась открыться брату, когда он вернется в Хинтон. Из-за постоянного шума, мешавшего спать, необходимости часто вставать в неурочные часы я в конце концов заболела, меня лихорадило и мучил грудной кашель, но, хотя здоровье мое было расшатано, решение оставалось твердым. Пока я ждала брата, который был вынужден задержаться в Портсмуте на неделю дольше, чем планировал, мне пришлось на ум сменить комнату, чтобы хоть немного отдохнуть. Поэтому я переехала в комнату, которую раньше занимала Элизабет Годин. Я не говорила о своем намерении до десяти вечера, пока все не было готово. Но едва я легла в постель, шум возобновился. Упоминаю я это обстоятельство для того только, чтобы подчеркнуть, что люди бы не сумели так скоро переменить свои планы и устроить все в другой части дома.

На следующей неделе приехал мой брат. Несмотря на то, что мне не терпелось все ему рассказать, я отложила это до следующего утра, чтобы дать ему возможность хорошенько выспаться. Я лишь попросила его быть готовым к тому, что завтра он услышит удивительную историю, которая потребует от него полного ко мне доверия.

Утром он выслушал меня с изумлением и недоумением. Только я закончила, как к нам зашел сосед из Климстона и заставил брата все ему пересказать. После чего он по-дружески предложил участвовать в наших разысканиях. Мы решили, что он придет к нам поздно вечером и будет караулить вместе с братом, никому не открывая перед тем своих намерений. Днем мой брат вместе со своим слугой Джоном Болтоном тщательно осмотрели дом, в особенности комнаты на первом этаже и чердак. Они проверили все укромные места, где можно было спрятаться, но убедились, что все двери крепко заперты, за исключением тех, которые вели в жилые покои.

Этой ночью он отправился в комнату, расположенную над людской. Капитан Латрел и Болтон засели с ружьями в примыкающей Ситцевой комнате. Я спала в комнате Элизабет Годин, а мальчики – как всегда, в детской. Все комнаты на этаже оказались заняты. Я заперла дверь, выходящую на черную лестницу, так что войти можно было только через комнату, в которой караулил капитан Латрел.

Не успела я лечь, как услышала шорох, словно кто-то был у самой двери. Я велела Элизабет прислушаться и, если шум раздастся снова, пойти и сказать капитану Латрелу. Так она и сделала, он тотчас открыл дверь и заговорил с нами.

Я должна изложить здесь все так, как он сам рассказывал брату и мне на следующее утро.

Он утверждал, что, услышав шаги в приемной, немедленно распахнул дверь и спросил, кто там. Что-то проскользнуло мимо него, и мой брат воскликнул:

– Посмотрите, напротив двери!

Брат не спал и услышал возглас капитана Латрела. Он встал и присоединился к остальным. К своему изумлению, они продолжали слышать разные звуки, но, даже тщательно все осмотрев, так никого и не увидели. Дверь на лестницу была накрепко заперта. Мой брат с Болтоном поднялись наверх, но все слуги были на месте. Мужчины просидели втроем до рассвета, и только тогда брат отправился в свою спальню. Думаю, приблизительно в это время я услышала, как дверь в Ситцевую комнату открылась и с силой захлопнулась, вслед за этим хлопнула дверь в коридор. Я решила, что это брат, и высказала Годин свое удивление по этому поводу, ведь не мог же он забыть, что дети спят. Через час открылась и захлопнулась входная дверь, да так, что сотрясся весь дом. К тому времени еще никто не встал, но спустя полчаса я услышала, как спускаются слуги. За завтраком я упомянула о том, что брат громко хлопал дверьми. На что мистер Латрел ответил:

– Уверяю вас, Джервис вовсе не шумел, я слышал, что это ваша и следующая двери открылись и захлопнулись в точности так, как вы сказали.

Мой брат не слышал хлопанья дверей, но сообщил, что, когда он отправился спать, в то время как мы с капитаном Латрелом сидели внизу, до него донеслись ужасные стоны и прочие звуки, которые он не может описать. Болтон тогда был внизу с прочей прислугой.

Капитан Латрел настаивал на том, что из-за этого шума по ночам дом совершенно непригоден для жилья. Мой брат, хотя и в более осторожных выражениях, согласился с ним. И мы решили срочно написать мистеру Сансбери, прося его незамедлительно приехать по делу, не терпящему отлагательств, о котором ему будет сообщено по прибытии. К несчастью, мистер Сансбери не смог приехать сам из-за приступа подагры и прислал своего клерка, юношу лет пятнадцати, и мы сочли бесполезным посвящать его в это дело.

Мой брат засиживался допоздна каждый вечер своего недельного пребывания в Хинтоне. И как-то среди ночи я была испугана звуком выстрела из ружья или пистолета, раздавшимся поблизости, вслед за ним послышались стоны, словно кто-то был в агонии или на пороге смерти. Эти звуки раздавались где-то между моей спальней и детской. Я послала Годин узнать у няни, все ли у них в порядке, но та ответила, что ничего не слышала. Ничего не слышал, как выяснила я на следующее утро, и мой брат. Правда, это был уже не первый случай, когда один или два человека слышали громкий шум, остальные же, хотя и находились поблизости, ничего не замечали.

Оттого, что из-за ночных дежурств мой брат недосыпал, он обычно ложился отдохнуть после обеда. Однажды, когда он ушел днем к себе, я отправила детей с гувернерами на прогулку. Молочница ушла на ферму, кухарка была в судомойне, а моя служанка сидела со слугой моего брата в людской. Я читала в гостиной, когда услышала звонок, раздававшийся из комнаты брата. Я побежала в его комнату, и он спросил, слышала ли я какой-нибудь шум, «потому что, когда я лежал, еще не успев заснуть, что-то ужасно тяжелое упало с потолка на пол за этот шкаф красного дерева». Тут прибежал его слуга, но заявил, что ничего не слышал, хотя находился в комнате внизу.

На этот раз мой брат серьезно попросил меня уехать из этого дома и, если я не смогу собраться до его отъезда в Портсмут, предложил прислать своего морского офицера, мистера Николса, старинного друга семьи, чтобы побыть со мной до переезда.

Еще одно обстоятельство было настолько удивительным, что я не могу его опустить. Как-то вечером, когда мы обсуждали все эти загадочные происшествия, я упомянула о необычном поведении моей любимой кошки. Я заметила, что, посидев некоторое время на столе или стуле с обычным своим беззаботным видом, она вдруг припала к полу и начинала ползти, словно ее что-то сильно напугало, пряталась под моим стулом и жалась к ногам. Но через некоторое время вылезала как ни в чем не бывало. Вскоре после того, как я рассказала об этом брату, мои слова подтвердились. Не произошло ничего, что могло бы испугать животное, но она повела

себя точно так, как я описывала. Слуги говорили мне, что похожим образом ведет себя в доме и спаниель, но сама я этого не видела.

Мэри Рикетс

Миссис Рикетс добавила, очевидно, уже позже, некоторые подробности. Она переехала из Хинтон-Эмпнера в старый особняк в Вулвеси, который был снят у епископа Винчестерского. Пока дом приводили в порядок, она жила у Дэйм Камис, по соседству с поместьем Хинтон. За это время ее история стала известна нескольким людям, которые отнеслись к ней по-разному. Миссис Рикетс была оскорблена недоверием канцлера Ходли. Тогдашний лорд Рэдлор, напротив, выразил живейший интерес, епископ Винчестерский сожалел, что не было предпринято попыток провести обряд экзорцизма. Когда миссис Рикетс уезжала из Хинтона, она передала ключи Дэйм Камис, которая заходила туда каждые несколько дней, чтобы проветрить. С тех пор дом пустовал, из-за его репутации желающих снять особняк не находилось, и в конце концов было решено его снести. Во время работ под полом одной из комнат был обнаружен маленький череп, как говорили, принадлежавший обезьяне. Он лежал в коробке под кипой бумаг, которые, вероятно, спрятали во время Гражданской войны.

Смерть лорда Тирона

Следующую историю прислал лорду Галифаксу член семьи герцога Бофорта. Родственник герцога получил рукопись от миссис Уоллейс, внучки леди Чарльз Сомерсет, записавшей эту версию рассказа около 1827 года. Леди Бересфорд, о которой идет речь, вдова сэра Тристрама Маркуса Бересфорда, третьего баронета, умершего в 1731 году, была дочерью Джеймса, третьего графа Тирона. Ее брат был четвертым графом.

Лорд Тирон и леди Бересфорд родились в Ирландии. Осиротевшие в раннем детстве, они воспитывались опекуном, привившим им принципы деизма. Он умер, когда им было около четырнадцати, и хотя его преемник приложил все возможные усилия, чтобы искоренить ложное учение, которое они впитали, все было напрасным. Никакие доводы не могли поколебать веру, усвоенную ими в детстве. Разлучившись, они не изменили своих убеждений, однако по прошествии нескольких лет брат и сестра торжественно поклялись друг другу, что тот из них, кто умрет первым, если будет ему позволено, явится другому и сообщит, какая же религия истинная.

Вскоре леди Бересфорд вышла замуж за сэра Маркуса. Она по-прежнему много виделась с братом, с которым обменивалась частыми визитами.

После одного из таких визитов как-то утром сэр Маркус заметил, что спустившаяся к завтраку жена была бледна как полотно, а на ее лице запечатлелись испуг и замешательство. Встревожившись, он спросил ее о здоровье, и она заверила его, что чувствует себя прекрасно. Тогда он стал расспрашивать леди Бересфорд, не произошло ли чего-нибудь такого, что могло ее расстроить.

– Нет, нет, все хорошо, как обычно.

– Вы повредили запястье? – спросил он, увидев повязанную на руке черную ленту. – Вы ее не растянули?

Она ответила, что ничего страшного не случилось, но добавила:

– Прошу вас, сэр Маркус, никогда не пытаться выяснить причину, по которой я ношу эту ленту. Отныне вы не увидите меня без нее. Если бы это затрагивало вас как моего мужа, я бы, конечно, все вам объяснила. Никогда в жизни я не стала бы от вас ничего скрывать, но теперь молю простить мое молчание и больше не касаться этого предмета.

– Хорошо, моя дорогая, – улыбаясь, ответил сэр Маркус. – Раз вы так горячо настаиваете, я воздержусь от дальнейших расспросов.

На этом беседа закончилась, но вскоре после завтрака леди Бересфорд спросила, не принесли ли почту. Ей ответили, что еще нет. Через некоторое время она опять позвонила в колокольчик и повторила вопрос, вновь получив отрицательный ответ.

– Вы ждете писем, что так беспокоитесь по поводу почты? – спросил сэр Маркус.

– Да, – ответила она. – Я жду известия о смерти лорда Тирона; он умер в прошлый вторник в четыре часа.

– Никогда не замечал, что вы суеверны, – сказал сэр Маркус. – Но должно быть, вам приснился какой-то пустой сон, который встревожил и напугал вас.

В этот самый момент вошел слуга и принес письмо с черной печатью.

– Это известие, которого я ждала! – воскликнула леди Бересфорд. – Он мертв.

Сэр Маркус вскрыл конверт. Письмо было от слуги лорда Тирона, сообщавшего печальную новость о том, что господин его умер в прошлый вторник в тот самый час, который назвала леди Бересфорд. Сэр Маркус просил ее держаться и, насколько это в ее силах, не предаваться отчаянию. Она уверила его, что теперь ей даже легче, и добавила:

– И еще я хочу сообщить новость, которая наверняка будет вам приятна. У меня нет никаких сомнений, что я жду сына.

Сэр Маркус принял известие с ожидаемой радостью, которую выразил в самых горячих словах, к каким побудило его столь страстно ожидаемое событие.

Спустя несколько месяцев леди Бересфорд, уже имея двух дочерей, разрешилась сыном, и немногим более чем через четыре года отец мальчика скончался.

После смерти сэра Маркуса леди Бересфорд стала редко выезжать. Дом священника, жившего в той деревне, был единственным, который она посещала. Остальное время она проводила словно затворница, сторонясь человеческого общества.

У священника были жена и сын, который в то время, когда умер сэр Маркус, был еще совсем юношей. Тем не менее, через несколько лет вдовства леди Бересфорд удивила всю округу, выйдя замуж за этого молодого человека, несмотря на разницу в возрасте и положении. Последствия этого брака оправдали мрачные ожидания соседей. Молодой супруг обращался со своей женой презрительно и жестоко, ведя жизнь либертина⁶, чуждого морали и обычных человеческих чувств. Родив ему двух дочерей, леди Бересфорд вынуждена была из-за его распутства настоять на раздельном жительстве. Несколько лет они прожили врозь, но потом, видя его искреннее раскаяние, она простила его и снова воссоединилась с мужем. Через некоторое время у них родился сын.

Однажды, в день своего рождения, еще не поднявшись с постели после родов, она послала за леди Бетти Кобб и несколькими друзьями, прося их провести этот день вместе с ней.

Около полудня леди Бересфорд навестил крестивший ее священник, с которым она всю жизнь поддерживала тесную дружбу. На вопрос о ее здоровье она ответила, что чувствует себя прекрасно, и попросила остаться с ней в этот день.

– Поскольку мне сегодня исполняется сорок восемь, – сказала она.

– Нет, мадам, вы ошибаетесь, – возразил священник. – Мы с вашей матушкой часто спорили о том, сколько вам лет, и наконец я обнаружил, что был прав. На прошлой неделе мне случилось оказаться в приходе, где вы родились, я разыскал метрическую книгу и установил, что сегодня вам исполняется только сорок семь.

– Вы подписали мой смертный приговор, – сказала леди Бересфорд. – Жить мне осталось совсем недолго, и я должна попросить вас покинуть меня, так как мне необходимо сделать кое-что важное.

Когда священник ушел, леди Бересфорд попросила друзей отложить визиты, пригласив подняться к себе только леди Бетти Кобб и своего двенадцатилетнего сына от сэра Маркуса. Как только они пришли, леди Бересфорд отослала слуг и сказала:

– Я должна поделиться с вами своей сокровенной тайной, ибо близка моя смерть. Вам, леди Бетти, известно о той взаимной любви, которую мы питали друг к другу с лордом Тироном. Мы воспитывались под одной крышей и в одной вере. Когда наш новый опекун попытался раскрыть нам глаза на наше заблуждение, его доводы, хотя и недостаточно убедительные, все же заронили в наши души зерна сомнения. Пребывая в замешательстве, мы пообещали друг другу, что тот из нас, кому суждено умереть первым, если будет на то соизволение Всевышнего, явится другому, чтобы сказать, какая из религий наиболее приемлема для Него.

Однажды ночью я проснулась в своей постели и увидела лорда Тирона, сидевшего рядом со мной. Я вскрикнула и попыталась разбудить сэра Маркуса.

– Ради всего святого, каким образом и зачем ты пришел сюда посреди ночи? – спросила я.

– Неужели ты забыла наше обещание? – ответил он.

⁶ Либертин – человек, извращенно воспринявший идеи Великой французской революции, отрицающий нормы нравственности.

– Я умер в прошлый вторник в четыре утра и получил позволение явиться к тебе и сообщить, что богооткровенная религия – единственно истинная и ведущая к спасению. Мне также было позволено сказать, что ты носишь сына, который, и это предрешиено, женится на моей дочери, что сэр Маркус умрет немногие годы спустя после рождения сына, что ты выйдешь замуж снова и твой второй муж будет дурно с тобой обращаться и сделает несчастной. Ты родишь ему двух дочерей, а потом и сына и умрешь, не оправившись после родов, на сорок седьмом году жизни.

– Господи! – воскликнула я. – Неужели я не могу этого предотвратить?

– Разумеется, можешь, – ответил он. – Ты наделена свободой воли и избежишь этого, если не выйдешь замуж во второй раз. Но у тебя страстная натура. Ты еще не знала соблазнов и не подозреваешь, насколько они сильны. Более мне ничего не разрешено тебе сказать, но если после этого предупреждения ты станешь упорствовать в неверии, участь твоя в ином мире будет печальной.

– Могу ли я спросить, обрел ли ты блаженство?

– В противном случае мне не было бы позволено явиться тебе.

– Так значит, я могу заключить, что ты счастлив? – Он улыбнулся.

– Но как же утром я смогу убедиться, что все это было явью, а не игрой моего воображения?

– Неужели известия о моей смерти будет недостаточно, чтобы тебя убедить?

– Нет, – я могу посчитать это просто сном, который был и исчез. Я хочу получить более осязаемое доказательство того, что все это произошло в реальности.

– Ты его получишь, – сказал он. По мановению руки занавески из красного бархата окказались прoderнутыми через крюк, на котором крепился балдахин. – Это рассеет твои сомнения, – сказал он, – смертному такое не под силу.

– Верно, – ответила я. – Но человек во сне обладает гораздо большей силой, чем во время бодрствования. Проснувшись, я бы так сделать не сумела, но, пока спала, у меня, вероятно, могло достать сил. И потому я буду сомневаться.

Тогда он предложил:

– У тебя здесь есть книга, в которой я кое-что напишу. Ты же узнаешь мой почерк?

Я ответила:

– Да.

Тогда он набросал карандашом на одной из страниц несколько слов.

– Все же утром я могу усомниться, – не сдавалась я. – В обычном состоянии я не сумею подделать твой почерк, но во сне такой вероятности нельзя исключить.

– Я не могу дотронуться до тебя, так как след моего прикосновения останется на всю жизнь.

– Я не стану возражать против небольшой метки, – ответила я.

– Ты храбрая женщина, – сказал он. – Протяни руку.

Я так и сделала. Он дотронулся до моего запястья пальцами, холодными как мрамор, и в ту же секунду каждое сухожилие, каждый нерв сжался.

– Но теперь пусть ни одно смертное око не видит твоего запястья, пока ты жива, – предупредил он. – Потому что увидеть его будет святотатством.

Он умолк, и, когда я подняла глаза, брат исчез.

Пока мы разговаривали, я была совершенно спокойна и собрана, но в тот момент, когда его не стало, на меня нахлынул ужас. Меня покрыл холодный пот, и я попыталась, правда тщетно, разбудить сэра Маркуса. В таком состоянии смутения и страха я пробыла некоторое время, потом из глаз моих хлынули слезы, а вместе с ними пришло и успокоение. Утром сэр Маркус встал и оделся как обычно, даже не обратив внимания на странное состояние балдахина. Когда я проснулась, он уже спустился вниз. Поднявшись, я вышла в галерею, примы-

кавшую к нашим покоем. Там я нашла длинную метлу, такие обычно используют в больших домах, чтобы смахивать пыль с карнизов, и с ее помощью (не без труда) опустила занавески, необычное положение которых неизбежно привлекло бы внимание слуг и возбудило бы расспросы, которых мне хотелось избежать. Затем я пошла к бюро, заперла книгу и достала кусок черной ленты, которой обвязала запястье. Когда я спустилась в столовую, сэр Маркус заметил, что я очень взволнована, и спросил, чем это вызвано. Я заверила его, что вполне здорова, и сообщила о смерти лорда Тирона, уточнив, что он умер в прошлый вторник около четырех часов ночи. Тогда же я попросила сэра Маркуса воздержаться от расспросов по поводу черной ленты, которую он заметил на моем запястье. Он был так добр, что не дал воли любопытству и никогда к этому не возвращался.

Ты, мой сын, как и было предсказано, в положенный срок появился на свет, и твой отец, горько оплакиваемый, умер через четыре с небольшим года у меня на руках. После этого печального события я намеревалась (ибо только так могла я избежать предсказанной участи) навсегда оставить свет и провести свои дни в одиночестве. Немногие, однако, могут долгое время жить в полном уединении. Я сошлась с семейством священника, не зная еще о роковых последствиях этой дружбы. Даже представить не могла я тогда, что их сын, еще совсем юноша, сделается назначенным судьбой орудием моей гибели. Спустя несколько лет я уже не могла относиться к нему равнодушно. Всеми средствами я пыталась побороть свою страсть, губительные последствия которой были мне известны, и уже самонадеянно вообразила, что победила ее, но однажды вечером мое сопротивление было сломлено, и я погрузилась в бездну, которой так долго старалась остерегаться. Он давно упрашивал своих родителей разрешить ему поступить в армию и, наконец получив их согласие, пришел ко мне попрощаться перед отъездом. Он вошел и, рухнув на колени у моих ног, сказал, что я – единственная причина его несчастий. Тут мужество покинуло меня, и я сдалась, поверив в неотвратимость судьбы. Так я согласилась на брак, который, как я знала, мог принести мне только горе.

Поведение моего мужа после нескольких лет супружества вынудило меня настоять на раздельном жительстве, но своими настойчивыми мольбами он склонил меня простить его и воссоединиться с ним. Однако свое согласие я дала не раньше, чем перешагнула сорокасеми-летний рубеж. Но сегодня я узнала наверняка, что ошибалась насчет своего возраста и что мне теперь только сорок семь. Потому у меня не осталось сомнений, что смерть моя близка. Когда придет этот день и уже не будет необходимости хранить тайну, я прошу снять черную ленту с моего запястья, чтобы вы и мой сын убедились в истинности всего, что я рассказала.

Затем леди Бересфорд замолчала, но через некоторое время вновь заговорила, наказав своему сыну вести себя так, чтобы быть достойным чести вступить в брак с дочерью лорда Тирона. Затем леди Бересфорд высказала пожелание лечь и поспать. Леди Бетти Кобб позвала слуг, велев им внимательно наблюдать за госпожой и послать за ней и сыном, если они заметят малейшие изменения в ее состоянии. Около часа в ее комнате было тихо. Затем резко зазвонил колокольчик.

Леди Бетти и мальчик побежали вверх, но не успели они войти в комнату, как услышали восклицание одного из слуг:

– О, она мертва! Моя госпожа мертва!

Тогда леди Бетти велела слугам выйти и вместе с мальчиком встала на колени у постели. Они подняли руку леди Бересфорд, развязали ленту: запястье было в точности таким, как она и описывала.

Предсказание исполнилось, сын леди Бересфорд женился на дочери лорда Тирона. Черная лента и книга хранятся у леди Кобб, которая и рассказала эту историю. Она и семья Тиранов готовы подтвердить истинность всего, что написано.

Эту историю подтверждают и некоторые сведения, полученные лордом Галифаксом от мистера Бересфорда Хоупа. Последний приводит название дома, в котором явился призрак лорда Тирона, это Гилл-Холл.

После смерти первого супруга леди Бересфорд повторно вышла замуж за мистера Горджеса, сына проживавшего по соседству священника. По случаю ее пятидесятого (не сорок седьмого) дня рождения был устроен прием, во время которого ее свекор сообщил, что она на год моложе, чем думает. Мистер Бересфорд Хоуп добавляет, что на леди Бересфорд это сообщение так подействовало, что она слегла и умерла той же ночью, или, во всяком случае, вскоре.

После выхода в свет первого издания этой книги мистер Хью А. К. Мауд из Белгард-Касл, потомок леди Бересфорд, прислал интересное описание тех же событий. Хотя в общих чертах оно совпадает с приведенной выше версией, многие имена и детали отличаются. По его словам, история была записана самой леди Бетти Коббе (не Кобб), которая приходилась правнучкой леди Бересфорд и не могла присутствовать при ее смерти, она же услышала эту историю от своего отца, сына леди Бересфорд, Маркуса, и от своей тети, леди Риверстоун, которые оба присутствовали у смертного одра леди Бересфорд и слышали ее рассказ. Леди Бетти никому не показывала свои записи вплоть до 1806 года. И даже тогда, чтобы не оскорбить чувства никого из участников той истории, которые были еще в ту пору живы, она оставила пропуски на месте многих имен, и в той копии, которая была послана лорду Галифаксу, они были заполнены неправильно. Например, леди Бересфорд не была сестрой лорда Тирона, у них просто был один и тот же опекун. И вот еще: ее вторым мужем был полковник (впоследствии генерал) Горджес, который был не сыном, а шурином соседа и друга леди Бересфорд, тогда как другие детали этого случая совпадают в обеих копиях.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.